

2349 *conspicua* 2350 •

„Если русский человек не вярты вь Бога, то это значать, онъ вярты въ что-нибудь другое“—говорится въ одномъ мѣстѣ. Какаа-нибудь система, вѣрная или невѣрная, какое-нибудь учение,—вотъ что тогда становится основой его миропониманія. Фаантатики люди, готовые пожертвовать всѣмъ ради идеи,—нигдѣ им не встрѣбите такихъ въ большомъ количествѣ, нигдѣ они не распускаются такими пышными цвѣтами, какъ писано здѣсь. И Антонъ Чеховъ изобразилъ намъ такого очаровывающаго, увлекающаго авостола, одареннаго непреодолимою силою краспорѣчія, безподобною властью надъ окружающимъ.. Въ одной деревенской харчевнѣ („Дорогомъ“) встрѣчается двое незнакомыхъ людей. Заявывается разговоръ, и она начинаетъ разсказывать. Въ горячихъ, страстныхъ, проивкающихъ въ душу выраженіяхъ онъ передаетъ исторію своей жизни, жизни всудачника. Онъ былъ работъ многихъ научныхъ теорій,—и каждый разъ разочаровывался. Онъ былъ нигилистомъ—и разочаровался. Онъ сдѣлалъ славкофаломъ—и разочаровался. Онъ увлекался хдлами, мыслени, людьми, страстями—и каждый разъ разочаровывался. Своими состояніемъ, своимъ счастьемъ онъ поступился ради пылнанаго востала. Откачаться отъ этого у него не хватало ни мужества, ни силъ. Въ заключеніи этой бѣглой описанной, невинной попомъ русскій дуни здѣсь, ослѣпнуть всѣмъ свѣтамъ, прикинуться слепымъ разнообразнымъ формъ, ослѣпнуть, чтобы жить безвѣстно погруженнымъ въ глубокую вѣчную тишину.

7 August 2005

А. Завидов,